

УДК 81'23:81-139

ПСИХОЛИНГВИСТИКА VS. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА НА КАРТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ НАУКИ¹

Ольга Викторовна Федорова

д. филол. н., доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119899, г. Москва, Ленинские горы, 1. olga.fedorova@msu.ru

В настоящей статье дается типология междисциплинарности, которая включает в себя четыре типа отношений: кроссдисциплинарность, мультидисциплинарность, интердисциплинарность и трансдисциплинарность. Вторая часть работы описывает междисциплинарность когнитивной науки применительно к вопросу сотрудничества представителей разных когнитивных дисциплин – философов, психологов, информатиков, лингвистов, антропологов и нейробиологов. Третья часть статьи посвящена описанию современного этапа взаимодействия двух когнитивных наук – психологии и лингвистики.

Ключевые слова: междисциплинарность, когнитивная наука, познание, психоллингвистика, когнитивная лингвистика.

Вторая половина XX в. стала временем зарождения многих новых научных дисциплин, возникших при междисциплинарном взаимодействии двух традиционных наук, имеющих более длинную историю. При описании таких новых научных образований часто используется метафора «на стыке наук», подчеркивающая междисциплинарность описываемой интеграции. Процесс создания наук «на стыке» не обошел стороной и когнитивные науки, изучающие познание – нейронауку, психологию, философию, лингвистику, кибернетику и антропологию, породив множество новых научных областей. Нас в данной работе будет интересовать взаимодействие между двумя когнитивными науками – лингвистикой и психологией, давшее рождение сразу двум новым научным образованиям – психоллингвистике и когнитивной лингвистике. Датой рождения первой из них считается начало 50-х гг. прошлого века, вторая зародилась на 20 лет позже – в начале 70-х. Ключевой вопрос данной статьи состоит в том, в чем похожи между собой, а чем различаются эти две научные дисциплины. В самом конце XX в. в статье, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания», П.Б. Паршин был довольно категоричен: «Последняя [психоллингвистика] представляет собой выяснение психологической реальности лингвистических гипотез, их психологическое обоснование; иначе говоря, это применение психологической методологии к лингвистической теории, теоретическую ответственность за которое, однако, несет наука о языке. Когнитивная лингвистика устрое-

на **ровно противоположным** (выделено П.Б. Паршиным) образом: это выяснение лингвистической реальности психологических гипотез, их лингвистическое обоснование, то есть применение лингвистической методологии к психологической теории, профессионально-лингвистическая деятельность, теоретическую ответственность за которую, однако, несет психология» [Паршин 1996: 32]. Как нам представляется, за прошедшие с тех пор почти двадцать лет ситуация сильно изменилась и в настоящее время психоллингвистика и когнитивная лингвистика отличаются друг от друга совсем не так кардинально. Кроме того, при более серьезном подходе к методологии междисциплинарности само выражение «на стыке наук» становится в данном случае неуместным. В настоящей статье мы начнем изложение с самых общих представлений о современной типологии междисциплинарности (раздел 1), а затем кратко опишем одно из наиболее удачных, по мнению многих исследователей (в частности, см.: [Thagard 2005a: 317], современных междисциплинарных образований – когнитивную науку (раздел 2); в разделе 3 мы еще больше сузим рамки проблемы и сосредоточимся на особенностях исследований, которые проводятся в междисциплинарном когнитивном пространстве на пересечении лингвистики и психологии.

1. Междисциплинарность

Принято считать, что поворот от дифференциации отдельных наук к их интеграции произошел примерно в середине XIX в. Однако целенаправ-

ленное изучение междисциплинарности как отдельного научно-социального феномена началось значительно позже, примерно в 70-х гг. прошлого столетия. В 1970 г. во Франции была проведена первая научная конференция, по результатам работы которой в 1972 г. вышла коллективная монография, заложившая основы типологии междисциплинарности [Apostel et al. 1972].

За прошедшие с тех пор сорок лет в этой области был накоплен существенный опыт (отметим здесь среди многих других следующие работы: [Miller R. 1982; Boden 1999; Bruun, Langlais, Janasik 2005]), который в последние годы был суммирован в нескольких значительных публикациях. В частности, в 2010 г. в Оксфорде была опубликована шестисотстраничная энциклопедия "The Oxford handbook of interdisciplinarity", в которой нашли отражение как самые общие вопросы типологии междисциплинарного взаимодействия, так и конкретные примеры междисциплинарных исследований [Frodeman, Klein, Mitcham 2010]. С другой стороны, в том же 2010 г. была опубликована статья, посвященная практической стороне данного вопроса, а именно, проблеме выработки эксплицитных критериев для экспертной оценки степени междисциплинарности научных проектов, подаваемых учеными в многочисленные научные фонды [Huutoniemi et al. 2010]. В данном разделе на основании анализа перечисленных выше публикаций мы предложим собственную классификацию

стратегий реализации междисциплинарного взаимодействия. Для простоты мы будем рассматривать различные стратегии взаимодействия двух научных дисциплин; увеличение их количества приведет нас к дальнейшему усложнению классификации, однако добавит мало нового по существу данной проблемы.

Итак, предположим, что у нас существуют две сложившиеся научные дисциплины (будем обозначать их далее буквами А и Б), которые до поры до времени существуют в своих традиционных рамках. Такой способ их существования мы будем называть **интрадисциплинарным**. Однако может наступить момент, когда одна из них или сразу обе начнут испытывать некоторую неудовлетворенность собственными теориями, моделями или исследовательскими методами. Если в поисках новых теорий, моделей или методов они начинают оглядываться по сторонам, выходят за традиционные границы своей науки и находят другую научную дисциплину, способную, как им кажется, удовлетворить их новые потребности, то мы говорим о зарождении междисциплинарности. Этот путь от зарождения междисциплинарного взаимодействия к подлинной междисциплинарности в большинстве случаев оказывается очень долгим и сложным. Для того чтобы иметь возможность определять место конкретного междисциплинарного проекта на континуальной шкале междисциплинарности, введем следующие обозначения.

Рис. 1. Стратегии взаимодействия: (а) кроссдисциплинарность; (б) мультидисциплинарность

Будем называть кроссдисциплинарной (данный термин заимствован из [Stember 1991]) такую стратегию междисциплинарного взаимодействия, при которой некоторое исследование проводится в рамках одной дисциплины (А на рис. 1а) с позиций другой дисциплины (Б на рис. 1а). Мы будем выделять четыре типа такого взаимодействия, которые объединяются следующими двумя принципами:

(1) в результате подобного взаимодействия новое научное знание (обозначенное овалом серого цвета на рис. 1а) образуется только в одной из дисциплин, а именно, в дисциплине-реципиенте (А на рис. 1а);

(2) никакого нового знания, принадлежащего одновременно и дисциплине-донору (Б на рис. 1а), и дисциплине-реципиенту, не образуется.

Таким образом, дисциплинарные рамки каждой науки при таком подходе не сдвигаются.

К первому типу кроссдисциплинарного взаимодействия относятся такие случаи, когда в науке-реципиенте существует некоторая теория или модель, которая, по мнению специалистов в этой области, нуждается в дальнейшей проверке данными другой науки. Будем называть этот подкласс **эмпирической** кроссдисциплинарностью. **Теоретическая** кроссдисциплинарность (второй тип), наоборот, объединяет такие случаи, когда в науке-реципиенте накоплено много эм-

пирических фактов, которые не удастся объяснить собственными силами; в этом случае из дисциплины-донора заимствуются теории и/или модели. При третьем типе взаимодействия – **методологической** кроссдисциплинарности – из дисциплины-донора заимствуются методы работы, которые помогают верифицировать теорию или ранее накопленные данные. Наконец, четвертый случай – **комплексная** кроссдисциплинарность – возникает в том случае, если в дисциплине-реципиенте обнаруживается некоторая нерешенная проблема, которую не удастся решить своими силами. В этом случае от дисциплины-донора ожидается комплексный подход, включающий использование как новых методов, так и новых теоретических построений.

В отличие от кроссдисциплинарного взаимодействия, все остальные стратегии междисциплинарности, которые будут рассмотрены далее, объединяет принцип (1'), противоположный рассмотренному выше:

(1') в результате междисциплинарного взаимодействия новое научное знание образуется как в дисциплине А, так и в дисциплине Б.

Однако эти стратегии будут различаться по выполнению принципа (2). Рассмотрим сначала такую стратегию междисциплинарного взаимо-

действия, при которой, как и в случае с кроссдисциплинарным взаимодействием, никакого нового знания, принадлежащего сразу обеим дисциплинам, не образуется. Для обозначения этой стратегии мы будем использовать термин **мультидисциплинарный**, введенный еще в самой первой работе по типологии междисциплинарности [Apostel et al. 1972]. При таком виде взаимодействия мы можем наблюдать механическое сложение научных достижений каждой из двух дисциплин для решения какой-либо задачи, актуальной для обеих (см. рис. 1б). Однако никакого реального научного общения между представителями дисциплин А и Б и, как следствие, никакого расширения дисциплинарных рамок при мультидисциплинарном взаимодействии не происходит; более того, каждая наука продолжает использовать свои собственные методы и строить свои собственные модели.

Наконец, наиболее широкий класс междисциплинарных стратегий представляют собой случаи, когда в результате междисциплинарного взаимодействия в каждой из двух дисциплин А и Б образуется новое знание, причем это знание является для А и Б общим (см. рис. 2а). Мы будем называть такие стратегии **интердисциплинарными**².

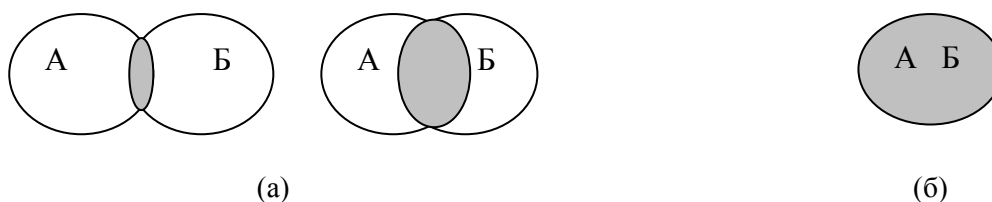

Рис. 2. Стратегии взаимодействия: (а) интердисциплинарность; (б) трансдисциплинарность

Самым важным понятием интердисциплинарности можно считать понятие **интеграции** между дисциплиной А и дисциплиной Б. Эта интеграция может осуществляться, во-первых, на методологическом уровне, когда методы двух наук дают в результате принципиально новую методологию, которая не является результатом простого сложения существующих методов; такая интердисциплинарность называется **методологической**. Во-вторых, если исследователи в основном совместно собирают научные данные, а затем их анализируют, то такую интердисциплинарность обычно называют **эмпирической**. Наконец, о **теоретической** интердисциплинарности говорят в том случае, когда происходит синтез новых теорий и/или моделей. Часто именно третью стратегию междисциплинарного взаимодействия в первую очередь имеют в виду, когда говорят о подлинной интердисциплинар-

ности, или даже о трансдисциплинарности (определение этого термина см. ниже).

Несмотря на то что именно интердисциплинарность является ведущим фактором интеграции современной науки, она одновременно углубляет и **дифференциацию** научного знания, время от времени приводя к появлению новых направлений, или даже отдельных наук «на стыке» традиционных дисциплин. Таким образом, метафора «на стыке наук» применима в первую очередь именно к подобным интердисциплинарным исследованиям.

На первой конференции по междисциплинарности в 1970 г. известный швейцарский психолог Ж. Пиаже предложил понятие **трансдисциплинарности** [Piaget 1972]. Хотя в настоящее время этот термин употребляется в нескольких разных значениях, большинство ученых обозначают им высшую (и на современном уровне развития

науки, видимо, недостижимую) степень интердисциплинарного взаимодействия, при которой отдельные науки превращаются в единую научную дисциплину со своей теоретической базой и методологией (см. рис. 2б). Некоторые исследователи полагают, что к определению трансдисциплинарности близко понятие теоретической интердисциплинарности, однако, как представляется, полная унификация дисциплин не явля-

ется обязательным требованием ни для какой интердисциплинарной стратегии.

Подведем некоторые итоги, разделив все многообразие стратегий междисциплинарного взаимодействия на три класса в соответствии с двумя основными принципами, описанными выше; для большей наглядности суммируем эти результаты в таблице (см. таблицу).

Типология стратегий междисциплинарного взаимодействия

Принцип	кросс~	мульти~	интер~, транс~
Новое знание образуется в каждой науке	–	+	+
Новое знание является общим для обеих наук	–	–	+

В заключении этого раздела приведем две метафоры.

Первая из них – метафора «**наведения мостов**» – обычно используется для обозначения такой стратегии междисциплинарного взаимодействия, при которой дисциплины А и Б сохраняют свою целостность и не формируют никакого общего нового знания; хотя представители каждой дисциплины могут и в этом случае работать совместно, степень их интерактивного взаимодействия невелика, а степень интеграции полученного знания равна нулю. Данная метафора хорошо описывает кросс- и мультидисциплинарные стратегии научного взаимодействия.

Вторая метафора – метафора «**реструктурирования**» – часто упоминается в том случае, когда некоторые части дисциплин А и Б формируют новую область исследования, которая со временем может превратиться в отдельную научную дисциплину. В этом случае мы видим типичные процессы интеграции и дифференциации, характерные для интер- и трансдисциплинарного подходов.

Итак, в данном разделе мы описали самые общие стратегии организации междисциплинарных исследований. В следующем разделе мы посмотрим, как они реализуются в одной отдельно взятой междисциплинарной научной области.

2. Когнитивная наука

Согласно самому широкому определению (см., в частности [Thagard 2005b: 317]), **когнитивная наука** (англ. cognitive science, на русском языке встречается также перевод ‘когнитология’ и ‘когитология’) объединяет дисциплины, изучающие **познание**, а именно: психологию, компьютерную науку, лингвистику, антропологию, нейронауку и философию. Один из основателей когнитивной науки, психолог Дж. Миллер датой рождения этой науки считает 11 сентября

1956 г., когда во второй день работы симпозиума, проходившего в Массачусетском Технологическом Институте, были сделаны эпохальные доклады специалистов в области компьютерного моделирования А. Ньюэлла и Г. Саймона, лингвиста Н. Хомского и самого Дж. Миллера [Miller G. 2003: 142] (см. также русский перевод: Миллер 2005)].

С конца 70-х – начала 80-х гг. когнитивная наука становится солидным междисциплинарным проектом со своим научным обществом (Cognitive Science Society), научными журналами и учебными программами в крупных американских университетах. К 1978 году, по мнению Дж. Миллера [Miller G. 2003: 143], уже существуют междисциплинарные связи между парами наук, обозначенные на когнитивном гексагоне сплошными линиями (см. рис. 3). Х. Гарднер обозначил на рисунке пунктиром также и существовавшие на тот момент более слабые связи между научными дисциплинами [Gardner 1985].

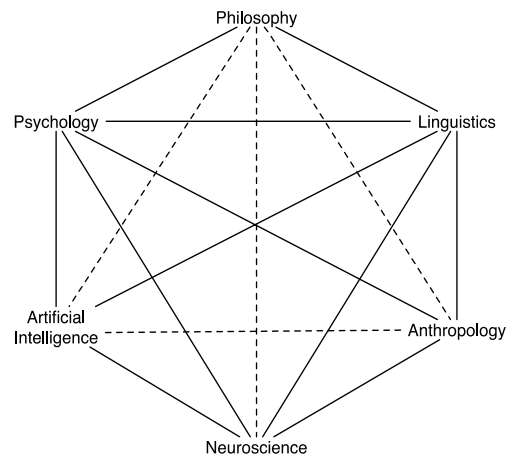

Рис. 3. Междисциплинарные связи когнитивной науки по работе [Gardner 1985: 37].

Таким образом, начиная с восьмидесятых годов XX в. когнитивную науку вполне можно рассматривать как сложившееся междисциплинарное образование³. Однако какова степень этой междисциплинарности? Каковы реальные связи между отдельными когнитивными дисциплинами и насколько сравним их вклад в общее «когнитивное дело»? Насколько к настоящему моменту исполнилась мечта о трансдисциплинарности, высказанная Х. Гарднером в 1985 г. – «В настоящее время ситуация такова, что большинство когнитивных ученых пришли в когнитивную науку из своей конкретной научной области – в частности, из философии, психологии, искусственного интеллекта, лингвистики, антропологии или нейронауки <...> Я надеюсь, что настанет день, когда границы между этими науками ослабеют или же вовсе исчезнут, образовав единую когнитивную науку» (перевод мой. – О.Ф) [Gardner 1985: 7]? Или взгляд Миллера из 2003 г. – «Некоторые ветераны тех лет задаются вопросом, была ли программа успешной и существует ли сейчас то, что мы могли бы назвать “когнитивной наукой”. Что касается меня, я предпочитаю говорить о “когнитивных науках” – во множественном числе. Но первоначальная идея единой науки, которая исследовала бы, как человеческий разум представляет мир и обрабатывает информацию, а также как эти его возможности структурно и функционально воплощены в человеческом мозге, все еще столь притягательна, что противостоять ей невозможно» [Miller G. 2003: 144] (перевод взят из [Миллер 2005]) – более реалистичен? Мы постараемся дать ответы на эти вопросы.

Сначала, опираясь на работу [Schunn, Kevin, Okada 2005], опубликованную в сборнике под названием “Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science”, мы оценим вклад каждой отдельной дисциплины в общую копилку знаний. Авторы статьи подробно проанализировали две основные составляющие деятельности Когнитивного общества – журнал “Cognitive Science” (с января 2009 г. Когнитивное общество издает и второй журнал – “Topics in Cognitive Science”), а также материалы конференции, проводящейся под эгидой Когнитивного общества (Annual Meeting of the Cognitive Science Society). Рассмотрим их более подробно.

Первый номер журнала “Cognitive Science” вышел в 1977 г., а с 1980 г. он стал официальным научным изданием Когнитивного общества. В первые годы своего существования журнал имел подзаголовок “A multidisciplinary journal of artificial intelligence, psychology, and language”, подчеркивающий основной вклад этих трех дисциплин⁴.

В 1984 г. журнал “Cognitive Science” слился с журналом “Cognition and Brain Theory” и получил новый подзаголовок “Incorporating Cognition and Brain Theory”. Появившийся в 1988 г. подзаголовок “A multidisciplinary journal incorporating artificial intelligence, linguistics, neuroscience, philosophy, psychology” объединял пять дисциплин, перечисленных уже в алфавитном порядке. Наконец, в 1997 г. к перечисленным выше пяти дисциплинам добавились антропология и педагогика (англ. education).

Журнал “Cognitive Science” сначала выходил раз в квартал, с 2001 г. он выходит шесть раз в год. В соответствии с редакционной политикой журнала в каждом номере публикуется небольшое количество больших по объему научных статей, что позволяет их авторам подробно донести до представителей смежных когнитивных наук суть своих междисциплинарных исследований. Другими словами, официальная политика Когнитивного общества направлена на всяческое поддержание и дальнейшее развитие духа междисциплинарности. Однако как обстоит дело на самом деле? Авторы работы [Schunn, Kevin, Okada 2005] выяснили этот вопрос, проанализировав публикации в “Cognitive Science” на предмет (1) места работы авторов статей; (2) цитируемости предшествующих публикаций в последующих; (3) методологии, использованной в статьях. Оказалось, что по всем трем вопросам доминирующее положение в журнале занимают компьютерная наука (которая преобладала в первые годы существования журнала) и психология (которая доминирует в последние годы), а вклад остальных дисциплин минимален и составляет лишь 2–3% от общего числа публикаций.

Проанализировав похожим образом публикации материалов ежегодных конференций Когнитивного общества (проводящихся с 1979 г.), авторы получили аналогичное распределение. Во второй части статьи рассматриваются различные возможные причины такого положения дел. В частности, одной из основных причин подобного статуса лингвистики авторы считают тот факт, что когнитивные лингвисты сами пока мало заинтересованы в когнитивной науке. В подтверждение этого мнения они приводят индексы цитируемости статей из “Cognitive Science” в ведущем психологическом журнале “Psychological Review” и солидном лингвистическом журнале “Linguistic Inquiry”: статьи из “Cognitive Science” регулярно цитируются в психологических публикациях и никогда в лингвистических [там же].

Итак, согласно проанализированным материалам, из шести⁵ когнитивных наук две – психология и компьютерная наука (которая в послед-

ние годы чаще называется наукой об искусственном интеллекте, что само по себе уже является междисциплинарным образованием) – занимают доминирующее положение, а все остальные вносят весьма скромный вклад в развитие когнитивной науки в целом. Для того чтобы определить степень междисциплинарности проводимых когнитивных исследований, исследователи рассмотрели также состав авторских коллективов, делавших доклады на конференциях Когнитивного общества. Они выяснили, что больше половины всех докладов носят междисциплинарный характер, то есть среди их авторов есть представители более одной когнитивной дисциплины. Однако нетрудно догадаться, что подавляющее большинство таких междисциплинарных связей приходится опять же на союз психологов с представителями искусственного интеллекта [там же].

Подойдем теперь к вопросу с другой стороны и посмотрим, как обстоит дело с преподаванием когнитивной науки в университетах. На сайте Когнитивного общества (<http://www.cognitive-sciencesociety.org>) приводится информация более чем о восьми десятках университетов и институтов, в которых открыты когнитивные программы. Большинство программ по-прежнему базируется в американских университетах, хотя количество европейских программ в последние годы понемногу увеличивается. Каждая программа несомненно имеет свою специфику, но в некоторых университетах когнитивная наука уже преподается с позиций трансдисциплинарного подхода. В частности, автор популярного учебника по когнитивной науке П. Тагар, работающий в канадском университете Ватерлоо, строит курс введения в когнитивную науку следующим образом. Он описывает не отдельные дисциплины, входящие в когнитивную науку (как это часто делается, см., например, учебник [Friedenberg, Silverman 2006]), и даже не отдельные составляющие познавательной деятельности (память, внимание, язык и т. п.), а скорее различные когнитивные проблемы, объединяющие когнитивные исследования из разных областей когнитивной науки. П. Тагар пропагандирует **многоуровневый подход** к изучению проблем в когнитивной науке, согласно которому на каждом уровне та или иная часть проблемы рассматривается средствами и методами отдельной когнитивной науки [Thagard 2005b], но сила когнитивной науки как междисциплинарного образования состоит именно в интеграции полученного знания и рассмотрении взаимодействия между уровнями.

Наконец, посмотрим, как сами когнитивные исследователи оценивают степень интеграции когнитивных наук. В работе П. Тагара, опубликованной в том же сборнике “Interdisciplinary collaboration”, автор использует метафору «торговой зоны», сравнивая развитие когнитивной науки с взаимодействием между людьми, живущими на далеком острове, некоторые из которых занимаются рыболовством, а другие плетут корзины. Обмен товарами между ними происходит в некоторой торговой зоне, а для успешного общения эти люди вынуждены использовать некоторый язык-посредник [Thagard 2005a]. В целом, П. Тагар считает когнитивную науку очень успешным междисциплинарным проектом и видит ее успехи в удачном сочетании научных интересов основоположников когнитивной науки, организационной структуре Когнитивного общества, наличии большого числа совместных научных проектов и использовании интегрированных научных методов. Однако не все исследователи так оптимистичны в оценке степени междисциплинарности когнитивной науки. Например, Д. Спербер, выступая в 2003 г. на семинаре под названием “Rethinking Interdisciplinarity”, посвященном проблемам междисциплинарности социальных, в том числе и когнитивных наук⁶, даже предложил термин «**косметическая междисциплинарность**», обозначая им те проекты, которые мы в разделе 1 назвали мультидисциплинарными. Многие другие когнитивные исследователи также разделяют мнение Дж. Миллера о существовании в настоящее время отдельных когнитивных наук, а не единой когнитивной науки.

Итак, по нашему мнению, несмотря на то что в современной когнитивной науке существует достаточное количество удачных научных проектов, свидетельствующих об их несомненной междисциплинарности, до полной трансдисциплинарности еще очень далеко. За исключением вполне сложившегося союза между психологами и специалистами в области искусственного интеллекта, исследователи из всех остальных когнитивных дисциплин пока мало интегрированы в междисциплинарные проекты, то есть в этих случаях мы можем говорить скорее о кросс- или мультидисциплинарности, чем о подлинной интердисциплинарности их совместных научных исследований. Другими словами, на наш взгляд, термин «когнитивная наука» в настоящее время может определяться скорее как «совокупность наук о познании», чем как «наука о познании».

3. Между лингвистикой и психологией

В предыдущих разделах мы сначала предложили некоторую типологию междисциплинарности, а затем постарались применить ее к когни-

тивной науке. В этом разделе мы рассмотрим результат междисциплинарного взаимодействия двух когнитивных наук – психологии, с одной стороны, и лингвистики, с другой. Оставив в стороне психологизм в языкознании XIX в., связанный в первую очередь с именами А.А. Потебни и Х. Штейнталя, мы сосредоточимся на второй половине XX в. и подробно проанализируем два основных продукта этого междисциплинарного взаимодействия – психолингвистику и когнитивную лингвистику.

Психолингвистикой мы называем междисциплинарную когнитивную науку, изучающую процессы порождения и понимания речи в их функционировании, становлении и распаде. Датой рождения психолингвистики традиционно считается первый совместный семинар в Корнелльском университете летом 1951 г., на котором было объявлено о создании Комитета по лингвистике и психологии во главе с Ч. Осгудом. По итогам работы второго подобного семинара, состоявшегося летом 1953 г., был выпущен первый совместный сборник “Psycholinguistics. A survey of theory and research problems” (1954) под редакцией Ч. Осгуда и Т. Сибеока, в котором были описаны три источника новой науки: теория коммуникации К. Шеннона, дескриптивная лингвистика Дж. Гринберга и необихевиористская психология Ч. Осгуда.

Однако настоящая известность пришла к психолингвистике только с появлением в ее рядах Н. Хомского, который, во-первых, впервые вооружил (психо)лингвистику почти математически точным методологическим аппаратом («Синтаксические структуры», 1957) и, во-вторых, в развернутой рецензии (1959) на книгу Б. Скиннера «Речевое поведение» (1957) показал, что (нео)бихевиористские идеи плохо подходят для анализа естественного языка. Немаловажную роль в установлении хомскианского этапа психолингвистики в шестидесятых годах сыграла также безоговорочная поддержка идей Н. Хомского уже авторитетным в те годы американским психологом Дж. Миллером.

Но постепенно некоторым американским психолингвистам (как исходным сторонникам идей Н. Хомского и Дж. Миллера, так и их последовательным оппонентам) – М. Гарретту, Д. Слобину, Т. Беверу, Дж. Брунеру, Дж. Верчу стали очевидны недостатки трансформационной и последующей за ней теориями Н. Хомского. Их работы подготовили почву для того, чтобы после опубликования в 1983 г. книги Дж. А. Фодора “Modularity of mind” на смену хомскианской психолингвистике пришел когнитивный модулярный подход: психолингвисты перестали при-

знавать первостепенную и исключительную роль лингвистики и, в особенности, ее синтаксической составляющей, и вновь стали обращать больше внимания на другие когнитивные модули процесса речевой деятельности. Интерес к идеям модулярности в немаловажной степени был подогрет и стремительно развивавшимися в те годы новыми высокоточными методами психолингвистического эксперимента, в частности, метода записи движения глаз.

Если первые два этапа развития психолингвистики были преимущественно американскими, то с середины семидесятых годов благодаря работам Р. Румметфейта, Дж. Джонсон-Лэйрда, Ж. Мелера, Ж. Нуазе и др. свое психолингвистическое направление образовалось и в Европе.

В Советском Союзе психолингвистика, называвшаяся **теорией речевой деятельности**, возникла в середине шестидесятых годов XX в. на основе деятельностного подхода к психике, развивавшегося с середины 1930-х гг. в рамках психологической школы Л.С. Выготского и его соратников А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейна и др. Основы теории речевой деятельности были сформулированы в работах А.А. Леонтьева. Фундаментом развития российской психолингвистики стали представления Л.С. Выготского о социальном генезе высших психических функций, в том числе речи, о динамике значения слова в ходе развития речи и мышления у детей, о переходе от мысли к слову как процессе «формирования мысли в слове».

Многие психолингвисты, пришедшие в психолингвистику из психологии, считают ее разделом психологической науки (однако ср. аналогичную позицию А.А. Леонтьева, филолога по образованию: «психолингвистика на современном этапе ее развития органически входит в систему психологических наук» [Леонтьев 1999: 20]), а многие психолингвисты, являющиеся по образованию лингвистами, наоборот, относят ее к лингвистическим дисциплинам (например, А. Мячиков, устное сообщение). Ср. также взгляд со стороны «чистой» лингвистики: «психолингвистика, конечно же, никакая не лингвистика, а чистейшей воды экспериментальная психология» [Паршин 1996: 32]. Мы вернемся к этому вопросу после того, как рассмотрим краткую историю развития когнитивной лингвистики.

По определению Ж. Фоконье, **когнитивной лингвистикой** называется такая теоретическая и эмпирическая исследовательская программа, которая проникает внутрь видимой структуры языка с целью исследования комплексных познавательных операций, которые создают грамматику, концептуализации, дискурс и саму мысль [Fau-

connier 2003: 539)⁷. Согласно основополагающей работе Дж. Лакоффа, существует два ключевых обязательства, которые должна выполнять когнитивная лингвистика – **обязательство обобщения** (англ. generalisation commitment) и **когнитивное обязательство** (англ. cognitive commitment) [Lakoff 1990]. Первое обязательство призывает когнитивных лингвистов искать общие принципы и закономерности, действующие на разных языковых уровнях, в то время как второе гласит, что лингвистические построения должны отражать и согласовываться с идеями других когнитивных наук. Однако, как отмечается в работе Дж. Тейлора, эти обязательства сами по себе не сильно ограничивают возможные исследовательские подходы [Taylor 1995: 4, цит. по Скребцова 2011: 23]. Таким образом, неудивительно, что, по мнению большинства ученых, когнитивная лингвистика в настоящее время – это не единая теория, а скорее целая группа отдельных теорий, объединенных сходным познавательным подходом, представленная такими именами, как Дж. Лакофф, У. Чейф, Р. Лангакер, Ч. Филлмор, Л. Талми, Ж. Фоконье и др.⁸

Когнитивная лингвистика возникла в Америке в первой половине 70-х гг. усилиями трех ключевых фигур – Дж. Лакоффа, Р. Лангакера и Л. Талми⁹, за которыми последовали работы их учеников и коллег – когнитивных лингвистов первой волны, а именно, Ж. Фоконье, А. Голдберг, С. Кеммер, Л. Янды, Б. Крофта и многих других. Одновременно эти идеи стали популярны и в Западной и Центральной Европе (работы Б. Рудзки-Остин, Р. Дирвена, Д. Герартса и др.). Вторая волна когнитивной лингвистики, возникшая в 90-е гг., распространилась на Азию, Южную Европу и Россию.

Когнитивная лингвистика обрела свой официальный статус в 1989 г., когда по инициативе Р. Дирвена в немецком Дуйсбурге была проведена первая международная конференция по когнитивной лингвистике. На этой конференции было принято решение об основании новой организации – Международной ассоциации когнитивной лингвистики (англ. International Cognitive Linguistic Association, ICLA), а также об учреждении журнала “Cognitive Linguistics”, первый номер которого вышел в 1990 г.¹⁰ Кроме того, на этой конференции была задумана серия монографий “Cognitive Linguistic Research” (под ред. Д. Герартса и Дж. Тейлора), в которой к настоящему моменту вышло уже 50 томов. С 90-х гг. прошлого века когнитивная лингвистика продолжает активно развиваться, о чем, в частности, говорят многочисленные учебники и хрестоматии, вышедшие в последние годы (см. [Geeraerts

2006; Geeraerts, Cuycckens 2007; Croft, Cruse 2004; Evans, Green 2006; Kristiansen et al. 2006; Lee 2001; Taylor 2002], а также некоторые заметные работы на русском языке [Баранов, Добровольский 1997; Герасимов 1985; Демьянков 1994; Кубрякова 1994; Кубрякова и др. 1996; Рахилина 1997, 1998; Скребцова 2000, 2011; Ченки 1996, 1997].

В отличие от психолингвистики, принадлежность когнитивной лингвистики к области лингвистики ни у кого не вызывает сомнений. В то же время несомненным является и факт присутствия в ней психологической составляющей, а также принципиальная установка когнитивных лингвистов на междисциплинарность, что, в частности, нашло отражение в подзаголовке журнала “Cognitive Linguistics: An Interdisciplinary Journal of Cognitive Science”.

Рассмотрим теперь вопрос о степени междисциплинарности этих двух направлений. Начнем с психолингвистики. Никакая новая наука не возникает за один день, поэтому в начале своего существования психолингвистика несомненно должна была принадлежать или к области экспериментальной когнитивной психологии, или к области лингвистики. По эксплицитным заявлениям одного из основоположников психолингвистики Н. Хомского и многих его сторонников, она принадлежала к области когнитивной психологии. Однако, с другой стороны, если вспомнить типологию междисциплинарных связей, то кажется очевидным, что в первые годы междисциплинарность в психолингвистике носила кроссдисциплинарный характер, точнее, характер методологической кроссдисциплинарности, при которой из дисциплины-донора (=психологии) в дисциплину-реципиент (=лингвистику) заимствовались исследовательские методы, которые были призваны подтвердить (или опровергнуть) существовавшие в те годы синтаксические построения Н. Хомского. Таким, несколько парадоксальным, образом получается, что, будучи по определению ее создателей психологической научной областью, психолингвистика вырабатывала новое знание на поле и в интересах лингвистики.

По оценке некоторых психолингвистов, работающих в этой области не один десяток лет, в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века психолингвистика приобрела статус самостоятельной научной дисциплины. Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные учебные пособия, монографии и программные статьи, вышедшие в эти годы, а также учреждение специализированной ежегодной американской психолингвистической конференции (CUNY Conference on Human Sentence Processing), а чуть позже

и европейской психолингвистической конференции – Architectures and Mechanisms for Language Processing (AMLAP)¹¹. Однако принципиально важным, на наш взгляд, является тот факт, что психолингвистика образовалась не «на стыке» психологии и лингвистики, как это часто говорят и пишут, не в результате их интердисциплинарного взаимодействия, приведшего к интеграции с последующей дифференциацией, а в результате расширения и углубления того нового знания, которое постепенно образовывалось при кроссдисциплинарном взаимодействии в недрах самой лингвистики.

Что касается когнитивной лингвистики, которую сегодня стоит рассматривать скорее как одно из направлений современной лингвистической теории, она тоже, на наш взгляд, возникла при кроссдисциплинарном взаимодействии, а именно при той его разновидности, при которой в науке-реципиенте (опять же лингвистике) накапливается некоторое количество эмпирических фактов, которые не удается объяснить собственными силами; в этом случае из дисциплины-донора (из психологии) заимствуются теории и/или модели; эта стратегия взаимодействия была названа нами теоретической кроссдисциплинарностью. Таким образом, метафора «на стыке наук» не применима и к когнитивной лингвистике.

Итак, оба рассматриваемых подхода возникли при кроссдисциплинарной стратегии взаимодействия между психологией и лингвистикой. На первый взгляд кажется, что это практически единственное, что их объединяет. Однако остановимся на этом вопросе подробнее, последовательно различая психолингвистику и когнитивную лингвистику с точки зрения

- 1) исходной теории;
- 2) идей о модулярности познания;
- 3) метода сбора данных;
- 4) отношений между данными и теорией.

С точки зрения **исходной теории** это различие не составит особого труда: как уже было упомянуто выше, традиционная психолингвистика 60–70-х гг. брала за основу теоретические построения лингвистов и проверяла их «психологическую реальность», используя для этого чисто психологические экспериментальные методы. Таким образом, теоретическую ответственность за результаты, полученные психолингвистами, согласно приведенной выше цитате П.Б. Паршина, несла лингвистика. Что касается когнитивной лингвистики, то традиционные когнитивные лингвисты для описания имеющихся в их распоряжении языковых фактов обращались к психологическим теориям, возлагая теоретическую ответственность на психологию.

С точки зрения сторонников **модулярного подхода**, который типичен для представителей психолингвистики, познание организовано в виде отдельных изолированных познавательных модулей, к числу которых принадлежит и языковой модуль. Когнитивные лингвисты не разделяют это мнение, что, в частности, находит отражение в их когнитивном обязательстве.

С точки зрения **метода сбора данных** отличить психолингвистику от когнитивной лингвистики тоже достаточно просто. Традиционно выделяется три метода сбора языкового материала. Во-первых, это метод **интроспекции**, основанный на интуиции исследователя. Во-вторых, это метод **наблюдения** в естественных условиях. Наконец, это метод **эксперимента**, который является основным исследовательским методом многих естественнонаучных дисциплин. Основным методом сбора данных когнитивной лингвистики является метод интроспекции. Независимо от того, насколько возможным признается когнитивными лингвистами использование других методов сбора данных, этот метод считается ими ключевым для понимания связи языка и мышления. С другой стороны, основным методом сбора данных психолингвистики был и остается экспериментальный метод.

Наконец, рассмотрим вопрос о **соотношении между данными и теорией**, ответ на который представляется не таким очевидным. Теоретически существует два способа организации научного исследования – от данных к теории и от теории к данным. Оставив в данный момент в стороне дискуссионный вопрос о принципиальной возможности подхода ‘от данных к теории’¹², в первом приближении можно сказать, что в психолингвистике научная работа традиционно начинается, когда имеется некоторая теория, требующая экспериментальной проверки; в когнитивной лингвистике, наоборот, в начале имеются некоторые собранные данные, которые нуждаются в теоретическом подкреплении.

Итак, традиционная психолингвистика, придерживающаяся модулярного представления о познавательных механизмах, начинает с некоторой лингвистической теории, которую она подвергает экспериментальной проверке. Традиционная когнитивная лингвистика, отвергающая модулярность, начинает с данных интроспекции и строит на их основе некоторую, чаще психологическую, теорию.

Однако все вышеописанное относится к тем психолингвистике и когнитивной лингвистике, каковыми они были в последние десятилетия прошлого века. Ниже мы покажем, что в некоторых аспектах современные психолингвистика и

когнитивная лингвистика заметно отличаются от своих предшественниц.

Начнем с когнитивной лингвистики. За последние годы в когнитивной лингвистике наиболее серьезные сдвиги произошли по отношению к методам сбора материала; не удовлетворяясь больше методом интроспекции, многие когнитивные лингвисты начали осваивать эмпирические методы, как экспериментальные, так и корпусные. Важным поворотным пунктом на этом пути стали семинары *Empirical Methods in Cognitive Linguistics*, первый из которых состоялся в Корнелльском университете в 2003 г. По результатам работы этого семинара в 2007 г. был опубликован сборник статей, который по сути представляет собой полезное учебное пособие, вводящее когнитивных лингвистов в мир эксперимента [González-Márquez et al. 2007]. Так, в частности, в главе “An introduction to experimental methods for language researchers” содержится очень качественный, на наш взгляд, обзор существующих в экспериментальной психологии (и, параллельно, в области психолингвистики) методов планирования эксперимента с определением всех основных понятий, таких как зависимая и независимая переменные, нулевая и экспериментальная гипотезы, дизайн эксперимента и т. п. [там же]. В главах “Eye movements in language and cognition: A brief introduction” и “Electrifying results: ERP data and cognitive linguistics” авторы показывают преимущества использования высокоточных онлайн-методов регистрации движения глаз и вызванных потенциалов мозга для решения задач, связанных с языком [там же]. Наконец, отдельные разделы сборника посвящены вопросам экспериментального изучения жестовых языков и жестов, сопровождающих вербальное общение, а также вопросу изучения дискурса с использованием корпусного метода [там же]. Другими словами, авторы данного сборника максимально приближают методологию когнитивной лингвистики к методологии традиционной психолингвистики, видя будущее успешное развитие когнитивной лингвистики именно на пути освоения новых эмпирических методов.

Д. Гирертс подкрепляет этот эмпирический тренд когнитивной лингвистики некоторыми статистическими свидетельствами. Основываясь на данных из библиографии когнитивной лингвистики, составленной Р. Дирвенем, он приводит такие цифры: если в работах 1985–1989 гг. слова *corpus* и *experiment(al)* встречались только в 0,5% и 2% случаев публикаций когнитивных лингвистов, соответственно, то к 2000–2004 гг. их число возросло до 9,3% и 9,2% [Geeraerts 2006].

В самые последние годы эта тенденция еще больше усиливается. Например, в докладе “Cognitive linguistics as a cognitive science”, прочитанном в 2009 г. на конференции “Bi-Directional Perspectives in the Cognitive Sciences”, известный специалист по корпусной лингвистике А. Стефанович ставит дальнейшее успешное развитие когнитивной лингвистики в зависимость от освоения когнитивными лингвистами психолингвистической методологии. Считая психологию и нейронауку ядерными когнитивными дисциплинами, он рассматривает два пути взаимодействия когнитивной лингвистики с этими дисциплинами. Первый путь, на его взгляд, состоит в том, чтобы заимствовать из психологии и нейронауки их методы, теории и/или методологию (ср. наше описание кроссдисциплинарной стратегии междисциплинарного взаимодействия). Второй путь более труден – построить такую модель языка, которую можно было бы потом интегрировать в общую модель познавательных процессов (ср. с описанием интердисциплинарной стратегии взаимодействия). В настоящее время, по мнению А. Стефановича, когнитивные лингвисты в основном следуют по первому пути взаимодействия, вследствие чего это взаимодействие является улицей с односторонним движением и приводит к тому, что очень немногие специалисты из области когнитивной науки обращают внимание на работы когнитивных лингвистов [Stefanowitsch: in press].

А. Стефанович указывает три причины, которые могут помешать успешному внедрению в когнитивную лингвистику эмпирических методов. Во-первых, большинство когнитивных лингвистов, которые не пользуются эмпирическими методами, признает результаты только тех эмпирических исследований, которые подтверждают их теоретические гипотезы. Однако часто результаты экспериментальных исследований не укладываются в сложившиеся теоретические рамки. Во-вторых, та часть сообщества когнитивных лингвистов, которая проводит эмпирические исследования, пришла на это поле извне, в основном из психолингвистики, поэтому не пользуется среди когнитивных лингвистов особым авторитетом. Наконец, как пишет автор, эта группа молодых экспериментальных исследователей нужна когнитивной лингвистике больше, чем когнитивная лингвистика им – если они найдут более привычные экспериментальные области, когнитивные лингвисты останутся в замкнутом круге интуиции об интуиции [ibid.].

Таким образом, в современной когнитивной лингвистике несомненна тенденция в сторону усиления эмпирической составляющей.

Рассмотрим теперь положение дел в современной психолингвистике. Во-первых, психолингвистика уже не является экспериментальной наукой, проверяющей «психологическую реальность» лингвистических построений, в ее недрах уже давно рождаются свои собственные теории и модели.

Во-вторых, путь от теории к данным не является для современной психолингвистики единственно возможным. Более того, автор популярного учебника по психолингвистике Т. Харли, описывая два теоретически возможных пути научного познания в психолингвистике, которые он называет ‘снизу–вверх’ и ‘сверху–вниз’ подходами, отдает предпочтение первому, вынося в подзаголовок своего учебника слова “From Data to Theory” [Harley 1995].

В-третьих, в отличие от традиционной психолингвистики, которая ограничивала сверху предмет своего исследования уровнем синтаксиса и практически не занималась экспериментальными **дискурсивными** исследованиями, современная психолингвистика более многогранна. Хотя большинство психолингвистов по-прежнему убеждены в том, что дискурсивный уровень слишком сложен для того, чтобы иметь возможность проводить строго контролируемые эксперименты, в последние годы в психолингвистике стали появляться и другие течения, ориентированные на область дискурсивного анализа. Эта область сильно меняет многие привычные представления психолингвистов о методологии и требует от исследователей разработки новых исследовательских парадигм.

Завершим эту статью одним наглядным, на наш взгляд, примером из области исследований дискурса. В 2008 г. в психолингвистической серии издательства Springer была издана монография под названием “Communicating with one another: Toward a psychology of spontaneous spoken discourse”. Начнем с того, что именно авторам этой работы (а не, как это было бы более логично предположить, кому-нибудь из представителей когнитивной лингвистики) принадлежат следующие слова: «Что касается методов, действительно применимых к исследованию неформального разговора и диалога, то в том то и дело, что реальный диалог – это не моделируемая экспериментальная задача» (перевод мой. – О.Ф.). [O’Connell, Kowal 2008: 21]. Авторы соглашаются с мнением психолингвистов М. Пикеринга и С. Гэррода о том, что «крайне трудно экспериментально контролировать все условия естественной коммуникации, что затрудняет строгое экспериментальное исследование диалога» (перевод мой. – О.Ф.) [Garrod, Pickering, 1999: 10],

однако продолжают эту мысль в совсем уж несвойственной традиционным психолингвистам манере: «Строгий экспериментальный контроль – это не единственный способ сбора научных данных, а лишь традиционное пристрастие экспериментальной психологии, доставшееся нам в наследство от прошлого века» (перевод мой. – О.Ф.) [O’Connell and Kowal 2008: 21]. Другими словами, в этой работе основным и даже единственно возможным исследовательским методом психолингвистики признается метод *наблюдения*. Считая изучение спонтанных устных диалогических дискурсов центральным вопросом современной психолингвистики, авторы подробно рассматривают проблемы, связанные с транскрипцией устного дискурса, изучают роль заполненных и незаполненных пауз хезитации, а также описывают просодию и смену реплик в процессе диалогового взаимодействия.

Переключившись в нашем изложении на область современной когнитивной лингвистики и открыв изданную в 2009 г. коллективную монографию «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса» [Кибрик, Подлеская 2009], мы обнаружим в ней очень близкие идеи. Во-первых, авторы работы придерживаются принципиальной позиции о приоритете устной формы языка и, следовательно, о необходимости системного исследования естественной устной речи, а не только (и не столько) кодифицированного литературного (письменного) языка. Само понятие языковой нормы, сформированное на основе письменных текстов, также, по мнению авторов, нуждается в серьезном пересмотре. Таким образом, фрагменты грамматики устного русского языка, описываемые в названной монографии, сильно отличаются от традиционного взгляда: так, с одной стороны, мы можем наблюдать типичные для устного дискурса (но с трудом замечаемые в письменном модусе) базовые элементы вербализации – образование клауз, многочисленные хезитации, коррекции и уточнения; с другой стороны, полипредикативный синтаксис, типичный для письменного модуса, присутствует в устной речи в еще не до конца развернутом виде конструкций с сериализацией, редупликацией или цитацией.

Во-вторых, одним из самых значительных, на наш взгляд, достижений авторов монографии является разработанная ими дискурсивная транскрипция как система графической репрезентации устной речи, а также важное теоретическое достижение работы – понятие элементарной дискурсивной единицы [там же]; кроме того, как и в работе “Communicating with one another: Toward a psychology of spontaneous spoken discourse”

[O'Connell, Kowal 2008], большое внимание уделено различного рода речевым сбоям, а также просодической составляющей. Таким образом, несмотря на то что цели, которые ставили перед собой авторы данных изданий, были весьма далеки друг от друга (первая монография представляет собой своего рода учебное пособие и содержит обзор различных существующих исследований и подходов к проблеме, а вторая является подробным описанием собранного корпуса устных рассказов о сновидениях), избранный ими подход к изучению дискурсивных явлений во многом совпадает.

Данный пример является неединичным, что свидетельствует, по нашему мнению, о начале нового этапа развития междисциплинарной интеграции между психологией и лингвистикой, который характеризуется созданием новых кросс- и даже интердисциплинарных связей на новом уровне взаимодействия – уже между психолингвистикой и когнитивной лингвистикой.

Примечания

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке грантов РФФИ №14-06-00211 и РГНФ №14-04-00390.

² В англоязычной литературе термин 'interdisciplinarity' используется как в широком, так и в узком смысле. В первом случае он обозначает любое взаимодействие между представителями двух и более наук, а во втором – только те случаи такого взаимодействия, при которых в каждой из дисциплин образуется новое знание, которое при этом является общим для всех. В данной работе для удобства мы будем переводить термин 'interdisciplinarity' в широком смысле как *междисциплинарность*, а в узком – как *интердисциплинарность*.

³ Максимально подробное, насколько нам известно, изложение истории когнитивной науки можно найти в 1500-страничном двухтомнике [Boden 2006].

⁴ Многие известные представители когнитивной науки и до сих пор считают психологию, компьютерную науку и лингвистику центральными для когни Российск. гос. гуманит. ун-ттивных исследований, а три остальные – периферийными; см., например, мнение Дж. Миллера [Miller G. 2003: 142]. Кроме того, отметим здесь мнение отечественного когнитивного лингвиста Е.С. Кубряковой, которая утверждает, что лингвистика не только является одной из когнитивных наук, а входит в число «системообразующих когнитивную науку дисциплин» [Кубрякова 2004: 3].

⁵ Или семи, если включить в этот список и педагогическую, как это в последнее время принято среди членов Когнитивного общества и что отражено и на официальном логотипе организации.

⁶ Материалы этой конференции были изданы в 2010 г. на французском языке [Origi, Darbellay 2010].

⁷ В отечественной традиции к области когнитивной лингвистики относятся в основном исследования концептосферы культуры, которая традиционно относится к области лингвокультурологии.

⁸ Т.Г. Скребцова приводит удачную, по нашему мнению, аналогию между когнитивной лингвистикой и идеей прототипов Э. Рош, предполагающей наличие центральных прототипических случаев и менее типичной периферии [Скребцова 2011: 25].

⁹ Ч. Филлмор также может быть отнесен к числу создателей когнитивной лингвистики, хотя сам он себя когнитивным лингвистом не считает. Б. Питерс делит исследователей, работающих в области когнитивной лингвистики, на две группы: **Когнитивных Лингвистов** (с большой буквы) и **когнитивных лингвистов** (с маленькой буквы). Первые сами провозглашают себя таковыми, в то время как вторые не отождествляются в научном сообществе с когнитивной парадигмой, хотя их работы могут быть отнесены к этой парадигме [Peeters 1998, цит. по Скребцова 2011: 24]. Сама Т.Г. Скребцова предлагает считать когнитивными лингвистами только тех ученых, которые институционализируются с этим направлением, то есть она исключает из их числа фамилии У. Чейфа, Ч. Филлмора, А. Вежбицкой, Р. Шенка и Т. ван Дейка [Скребцова 2011: 24]. Кроме того, она выделяет, а затем подробно анализирует *четыре* центральные фигуры когнитивной лингвистики, а именно: Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Ж. Фоконье и Л. Талми [там же].

¹⁰ С 2003 года издается также журнал "Annual Review of Cognitive Linguistics".

¹¹ В самом конце XX в. наблюдался пик интереса к психолингвистическим исследованиям и у отечественных ученых, см., в частности, следующие психолингвистические учебники, вышедшие в эти годы [Горелов, Седов 1997; Залевская 1999; Леонтьев 1999; Фрумкина 2001].

¹² Вопрос о возможности подхода 'от данных к теории' по крайней мере для естественных наук многими учеными решается отрицательно. См., например, высказывание К. Поппера: «Однако на самом деле вера в то, что мы можем начать научное исследование с одних чистых наблюдений, не имея чего-то похожего на теорию, является абсурдной» [Поппер 2004: 260].

Список литературы

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Постулаты когнитивной семантики // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. 56(1). С. 11–21.
- Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные теории. М., 1985. С. 419–442.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М., 1997. 287 с.
- Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 17–33.
- Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 382 с.
- Кибрик А.А., Подлесская В.И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
- Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. №4. С. 34–47.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63(3). С. 6–17.
- Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М. 1996. 245 с.
- Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 288 с.
- Миллер Дж. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопросы психологии. 2005. Вып. 6. С. 104–109.
- Поппер К. Логика научного исследования / пер. с англ.; под общ. ред. В.Н. Садовского М.: Республика, 2004. 447 с.
- Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 19–42.
- Рахилина Е.В. Когнитивная лингвистика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274–323.
- Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной семантики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров. М., 1997. С. 370–389.
- Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. СПб., 2000. 202 с.
- Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб., 2011. 256 с.
- Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 320 с.
- Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сборник обзоров. М., 1997. С. 340–369.
- Ченки А. Современные когнитивные подходы к семантике: сходства и различия в теориях и целях // Вопросы языкознания. 1996. №2. С. 68–78.
- Apostel L. et al. Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities / L. Apostel, G. Berger, A. Briggs, G. Michaud (eds.). P.: Organization for Economic Cooperation and Development, 1972.
- Boden M.A. Mind as machine: A history of cognitive science. Oxford: Clarendon, 2006. 1708 p.
- Boden M.A. What is interdisciplinarity? // Proceedings of the Interdisciplinarity and the Organization of Knowledge in Europe. Cambridge, 1999. P. 13–24.
- Bruun H., Langlais R., Janasik N. Knowledge networking: A conceptual framework and typology // VEST: Journal for science. 2005. Vol. 18. P. 73–104.
- Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 372 p.
- Evans V., Green M. Cognitive Linguistics: An Introduction. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. 830 p.
- Fauconnier G. Cognitive linguistics // L. Nadel (ed.). Encyclopedia of cognitive science. London: Nature Publishing Group. 2003. Vol. 1. P. 917–921.
- Friedenberg J., Silverman G. Cognitive science: An introduction to the study of mind. Thousand Oaks, CA: Sage, 2006. 544 p.
- Frodeman R., Klein J.T., Mitcham C. (eds.). The Oxford handbook of interdisciplinarity. Oxford: Oxford University Press, 2010. 620 p.
- Gardner H. The mind's new science: A history of the cognitive revolution. N.Y.: Basic Books., 1985. 448 p.
- Garrod S., Pickering M.J. Issues in language processing // S. Garrod, M.J. Pickering (eds). Language processing. Hove (East Sussex, UK): Psychology Press, 1999. P. 389–415.
- Geeraerts D. (ed.). Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. 485 p.
- Geeraerts D. The Oxford handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1368 p.
- González-Márquez M. et al. Methods in Cognitive Linguistics / M. González-Márquez, I. Mittelberg, S. Coulson, M.J. Spivey (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. 53–86.

Harley T.A. The Psychology of language: From data to theory. Psychology Press, 1995. 624 p.

Huutoniemi K. et al. Analyzing interdisciplinarity: Typology and indicators / K. Huutoniemi, J.T. Klein, H. Bruun, J. Hukkinen // Research Policy. 2010. Vol. 39(1). P. 79–88.

Kristiansen G. et al. Cognitive Linguistics: Foundations and Fields of Application / G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. Ruiz de Mendoza (eds.) Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 2006. P. 229–262.

Lakoff G. The invariance hypothesis: Is abstract reason based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1(1). P. 39–74.

Lee D. Cognitive Linguistics: An Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2001. 240 p.

Miller G.A. The cognitive revolution: A historical perspective // Trends in Cognitive Sciences 2003. Vol. 7(3). P. 141–144.

Miller R. Varieties of interdisciplinary approaches in the social sciences // Issues in Integrative Studies. 1982. Vol. 1. P. 1–37.

O'Connell D.C., Kowal S. Communicating with one another: Toward a psychology of spontaneous spoken discourse. N.Y.: Springer, 2008. 265p.

Origgi G., Darbellay F. Repenser l'interdisciplinarité. Genève: Editions Slatkine, 2010. 200 p.

Peeters B. Cognitive musings // Word. 1998. Vol. 49(2). P. 225–237.

Piaget J. The epistemology of interdisciplinary relationships // L. Apostel, G. Berger, A. Briggs,

G. Michaud (eds.). Interdisciplinarity: Problems of teaching and research in universities. Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1972. P. 127–139.

Schunn C.D., Kevin C., Okada T. Cognitive Science: Interdisciplinarity Now and Then // Sh.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher (eds.). Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science. Mahwah, N.Y.: Erlbaum, 2005. P. 287–315.

Stefanowitsch A. Cognitive linguistics as a cognitive science // Callies M., Lohöfer A. Keller W. (eds). Bi-directionality in the Cognitive Sciences. Examining the Interdisciplinary Potential of Cognitive Approaches in Linguistics and Literary Studies. Amsterdam: John Benjamins, in press.

Stember M. Advancing the social sciences through the interdisciplinary enterprise // The Social Science Journal. 1991. Vol. 28. P. 1–14.

Taylor J.R. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2002. 640p.

Taylor J.R. Linguistic Categorization. Oxford: Oxford University Press, 1995. 328p.

Thagard P. Being interdisciplinary: Trading zones in cognitive science // Sharon J. Derry, Sh.J. Derry, C.D. Schunn, M.A. Gernsbacher (eds.). Interdisciplinary collaboration: An emerging cognitive science. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2005a. P. 317–339.

Thagard P. Mind: Introduction to cognitive science. Cambridge, MA: MIT Press. 2005b. 213 p.

PSYCHOLINGUISTICS VS. COGNITIVE LINGUISTICS ON THE MAP OF MODERN COGNITIVE SCIENCE

Olga V. Fedorova

Assistant Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department
Lomonosov Moscow State University

The paper discusses the typology of interdisciplinarity which consists of crossdisciplinarity, multidisciplinarity, interdisciplinarity and transdisciplinarity. The second part of the paper describes interdisciplinarity of cognitive science with respect to the collaboration of different cognitive sciences – philosophy, psychology, artificial intelligence, linguistics, anthropology, and neuroscience. The third part of the paper focuses on the current interference between psychology and linguistics.

Key words: interdisciplinarity; cognitive science; cognition; psycholinguistics; cognitive linguistics.